

В медвежьем углу

Америка – сплошная деревня

Я уже писал, что Амхерст – это, по сути дела, деревня. Есть небольшой центр – downtown – где, может быть, есть пара трехэтажных домов, несколько церквей, а остальные дома, как большинство домов в Америке – двухэтажные, разве что они стоят подряд и в них магазины, банки, рестораны и другие полезные заведения. Остальной город (не считая университета и колледжей, которые особь статья) – это собственные дома. И дома эти расположены очень не густо, на больших участках и между ними много открытых пространств. Часть этих пространств – университетские территории, их довольно много и это или просто поля, или что-то для лошадей (когда-то университет был сельскохозяйственной школой и до сих пор тут много университетского сельского хозяйства). Есть просто лес. Какие-то пустые земли принадлежат риэлтерским фирмам (real estate), которые держат землю про запас, надеясь либо спекулировать ею, либо что-то построить. И много просто ферм, у каждой из которых довольно много земли. Фермы существовали тут еще до того, как город стал расти. Теперешние городские власти поощряют фермеров в городе. Продавать фермерскую землю под застройку невыгодно – очень большой налог на продажу земли (другое дело – другому фермеру, это – пожалуйста, налог маленький). Так что вокруг дома Барбары поля с двух сторон. Одно пространство – наверное, на километр, другое – чуть поменьше. И это – не редкость, скорее – норма.

Но я начал об этом, потому что когда едешь тут по дорогам, создается впечатление, что вся Америка такая, просто иногда дома чуть сгущаются – и это небольшой городок, а иногда они пореже, больше полей. Иногда, конечно, лес на километр или больше. Но и там могут встретиться дома.

Причем не всегда можно понять, где фермерские дома, а где живет вполне городской житель, только «загородом». И это не только вокруг Амхерста. Тут (по крайней мере в Массачусетсе, в разных штатах разные порядки) самое мелкое административное подразделение – типа нашего сельского района – называется township – и не переведешь, «городище», только очень большое и обитаемое. Так что и административно города и пространства вокруг них не различаются.

Мы ездили к родителям Барбары – это 7 часов езды и такое же впечатление. Ну конечно, дорога туда – в основном Interstate. Но и вокруг дома ее родителей та же картина, это километров 30 от Балтимора, там мы много ездили вокруг. И на конференции ездили – по сравнительно небольшим дорогам в университет штата Коннектикут, и в Итаку, в Корнелл, это штат Нью-Йорк. То же впечатление. Сплошная деревня. Только очень обихоженная и аккуратная (хотя нет впечатления, что вылизанная, как в Голландии). И очень, очень большая.

Конечно, большие города тоже встречаются. Но как-то они не в счет. Тем более, что я в них почти не был. Только в Бостоне наскоком, да вот по пути из Итаки в Олбани заезжали. Так что мое чисто пейзажное впечатление от Америки – почти Ильфовско-Петровское. Только она не «одноэтажная» (я писал уже, что почти все дома двухэтажные), а просто – деревня.

А Барбара говорит, что для нее в России одно из основных «пейзажных»

впечатлений – это что город может внезапно «обрываться», как Москва у кольцевой дороги. Стоят высоченные дома – а за ними сразу сельская местность.

Я уже писал – тут масса зверья. Совсем непуганного. В Массачусетсе насчитывают примерно 1800 (!) медведей. Почти все они – в западном Массачусетсе. Месяца два назад полиция убила одного, он бродил где-то по задворкам домов и кого-то напугал. Публика возмущалась (убийством). Полиция оправдывалась. И вот недели две назад, когда другой медведь забрел в какой-то городок и там с испугу залез на дерево, в него стреляли уже зарядом транквилизатора, предварительно развернув под деревом сетку, как в цирке, чтобы он не ушибся, бедный, падая. Подобрали и отвезли обратно в лес. Причем не в родной, потому что он сбежал оттуда, так как у его мамы появился новый boyfriend, который обижал почти двухлетнего малыша. Поэтому отвезли его в лес побольше, где ему будет хорошо.

Так что мы живем буквально в медвежьем углу. Но это не совсем точно, потому что Амхерст – не угол, он почти в центре Массачусеттса. Это мы позавчера ездили в самый медвежий угол – северо-западный угол Массачусеттса, Williamstown. В этом township есть городок с тем же названием, наверное, поменьше Амхерста. В городке колледж. Один из самых лучших в Америке. А при колледже – музей Кларка. Впрочем, формально, кажется, музей существует самостоятельно. Но он связан с колледжем, где обучают и искусствам. И музей помогает этим искусствам обучать, а студенты, аспиранты и, наверное, некоторые профессора так или иначе работают в музее.

Кларки.

Кларк, вернее Кларки, муж и жена, основали этот музей, и он называется Sterling and Francine Clark Art Institute. История начинается со швейной машины Зингера. Дедушка Стерлинга Кларка был компаньоном Зингера и, видимо, человеком не бедным. Его сын, отец Стерлинга, уже собирал картины (занимаясь, наверное, и другими делами).

Все это я списываю с музейного буклета. Роберт Стерлинг Кларк (1877 – 1956) закончил колледж в 1899 году, служил в армии до 1905 г., был награжден Серебрянной звездой за подавление Боксерского восстания в Китае. Видимо, Китай ему понравился и в 1908 – 09 годах он организовал научную экспедицию в Северный Китай, что-то там изучал и даже опубликовал результаты своих занятий. А в 1911 г. обосновался в Париже и занялся основным делом своей жизни – коллекционированием. В 1919 г. он женился на французенке, Francine Clary (1876 – 1960), и она помогала ему в коллекционировании. Но, как написано уже не в буклете, а на одном из музейных стендов, она не разделяла другой его страсти – скаковым лошадям.

В начале 20-х годов они уехали в Америку и коллекция их размещалась, как и положено частной коллекции, в их загородных домах, вначале под Нью-Йорком, а потом в Вирджинии. А в конце сороковых, когда все боялись атомной войны, они стали искать безопасное место для своей коллекции. Таким местом оказался им Williamstown – дед и отец Кларка давно покровительствовали местному колледжу.

Там они и основали этот Art Institute – музей открылся в 1955 г. Так что, как опять же сообщает буклет, жизнь Стерлинга «счастливо завершилась двойным триумфом» – в 1955 г. открылся музей, а годом раньше его жеребец Never Say Die выиграл Epsom Derby.

Музей.

Барбара бывала в этом музее. Но идея этой поездки принадлежала Софии Любенской. Мы познакомились с ней с месяц назад, когда по дороге из Итаки заезжали в Олбани, к нашей знакомой – Наташе Перцовой. Наташа там в университете (штата Нью-Йорк) на Фулбрайтовской стипендии, а София – профессор этого университета. Она из России, приехала сюда лет двадцать назад.

Олбани – это столица штата Нью-Йорк, не очень большой городок на границе с нашим Массачусетсом. От Олбани до Вильямстауна ближе, чем от Амхерста. И София, видимо, частый гость этого музея. Она позвонила куратору и договорилась, что нам покажут коллекцию Дюрера. Договорились (все переговоры, конечно, по e-mail'у), что встретимся в холле музея. Наташа с Софией по дороге из Олбани проезжали через township Petersburg и в этом Петербурге видели даже «Аврору», совсем как настоящую, только поменьше. А мы часа два ехали через этот северо-запад Массачусетса по очень живописной дороге.

Встречаемся в назначенное время и идем смотреть Дюрера. Сравнительно небольшая комната, среди, так сказать, "служебных помещений" музея, две милые девушки занимаются своим делом – одна за компьютером, другая сидит с книгами и бумагами. Обе они тут в колледже в Graduate program of the History of Art, что-то вроде аспирантуры, но только для магистерской степени. Программа эта совместная у колледжа и музея. Одна уже закончила свою магистерскую диссертацию, с осени будет работать в музее в Филадельфии, а другая, американская японка из Канзаса (где ее папа – профессор местного университета) – только первый год. В музее они подрабатывают «по специальности», зимой, во время занятий – по два часа в день, а летом – на полной ставке.

Гравюры – Дюрер – уже выставлены для нас (да, специально для нас, после этого звонка Софии; и девушки спрашивали, не достать ли еще чего-нибудь. И, наверное, такого рода мини-выставки «по заказу» в этой комнате достаточно часто делают, судя по книге посетителей). Гравюр штук 20, они расставлены на полках вокруг комнаты, рядом лежат большие лупы, можно рассмотреть детали. Я не помню, видел ли я раньше Дюрера «живьем». Хотя какие-то гравюры знакомы – Адам и Ева, звери – видимо по иллюстрациям. Очень интересно. И как-то приятно, по-домашнему, никого кроме нас и девушек в комнате, можно не торопиться. Минут 40 проводим в этой комнате, благодарим девушек, расписываемся в книге. И идем в основной музей.

Основной музей – это два здания, мраморное и гранитное. В гранитном, видимо, проводятся выставки. Сейчас там большая выставка: John S. Sargent, американский художник (1856 – 1925). Но мы идем вначале смотреть основную коллекцию в мраморное здание, на второй этаж. Там в центре два больших зала и вокруг них много залов и галлере поменьше. Большой зал в центре – импрессионисты. Много Ренуара, Моне и Мане, Дега (причем не только его картины, но и скульптуры балерин, самая большая в настоящей – не бронзовой – пачке). В одном из маленьких залов – два очень хороших Тулуз-Лотрека. Есть и еще одна его картина, но она на реставрации. София расстраивалась, она хотела нам ее показать.

И много еще всего – французы разного времени, голландцы, другие

«европейцы», американцы. Для меня это слишком много. Час-полтора – это мой предел. Поэтому я умудряюсь не заметить Гойю – тут то ли одна, то ли несколько его картин. Но замечаю какой-то трогательный американский женский портрет, что-то вроде местного примитивизма. И уж совсем не смотрю на серебро – большая коллекция распределена по всем залам.

Барбара еще идет смотреть выставку Sergeant'a. Громадная выставка, видимо Кларк его очень любил. А Sergeant был очень плодovit. Но я уже не могу ничего воспринимать, просто прохожу по залам.

Встречаемся внизу, заходим в музейный магазиник – он занимает часть холла. Я покупаю «постер» музея с Дюреровскими зверями. А Барбара обнаруживает «зубного врача» Тулуз-Лотрека.

Из холла через стеклянную стенку видно большую библиотеку. Она служит основой аспирантуры по истории искусств, про которую я уже писал. И так же большого библиографического проекта по истории искусств – часть какой-то международной программы, публикующей abstracts по всей современной литературе по истории искусств на всех европейских языках.

Вход в музей бесплатный. Но можно в ящик для пожертвований опустить несколько долларов, что Барбара и делает. А буклет предлагает еще вступить в общество «друзей Кларка». Там можно быть на самых разных ролях: от Individual – за 25 долларов в год, до Benefactor – за \$1000.

* * *

Вот такой музей в медвежьем углу. И такие люди. Собрали коллекцию. Построили музей. Подарили его людям. И, наверное, еще деньги оставили на содержание.

И, наверное, такое вот рождение музея — видимо, скорее правило, чем исключение. Мы были потом в Спрингфилде, городе к югу от Амхерста, с той же Наташей Перцовой. Два музея. Один — всякого восточного прикладного искусства, от оружия до какой-то необыкновенной китайской эмали — чья-то (забыл уже, чья) частная коллекция, подаренная городу. В другом городском музее, самом по себе не слишком интересном, хранится уникальная коллекция японской гравюры. Тоже какой-то человек (причем отмечается, что не очень богатый) собирал всю жизнь и подарил музею.

И в России ведь так же было. И не только Третьяков или Морозов со Щукиным. В каждом провинциальном музее вдруг обнаруживаешь, что основа его — чья-то частная коллекция.